

СУББОТА В ТВОЕМ ДОМЕ

У каждого народа есть Родина – его остров в океане земель и этносов. А у нас, евреев, есть еще и Родина во времени – остров покоя и святости в океане будней. Мы любим гордиться своим вкладом в общечеловеческую культуру, называя порой в качестве одного из важнейших еврейских изобретений Субботу – еженедельный день отдыха. Это не совсем верно. Да, действительно, народы переняли эту идею от нас, но приписывать нам авторство было бы ошибкой. Вс-вышний даровал нам великое сокровище, и вот уже три тысячелетия оно бережно передается от поколения к поколению. Это Суббота – праздник, венчающий собой каждую неделю.

Сегодня в это трудно поверить, но были времена, когда нашим соседям (от вавилонян до греков и римлян) сама идея выходного дня казалась дикой и неприемлемой. Сатирики античности осмеивали еврейскую Субботу, говоря, что она – лишь проявление нашей склонности к безделью, возведенной в религиозный принцип. Да что там древность! Уже в двадцатых годах двадцатого века, на волне коммунистических преобразований были отменены выходные дни, о чем мы сегодня помним исключительно благодаря Ильфу и Петрову (“...педагогический сектор перешел на непрерывную неделю и вместо чистого воскресенья днями отдыха Хворобьева стали какие-то фиолетовые пятые числа”).

Сегодня человечество и представить себе не может, что кажущийся вечным порядок: неделя с одним или двумя выходными – может быть нарушен. Для одних выходным стало воскресенье, для других – пятница. И только мы сохранили этот порядок таким, каким он был изначально, от сотворения мира. И как глубоко и органично ни вошла бы идея дня отдыха и покоя в мировую культуру, Суббота навсегда останется еврейским наследием,

общим для всего народа. Но в личной жизни только от нас самих зависит, станет ли суббота один из семи дней недели, Шабатом.

Суббота – не просто одна из многих заповедей Торы. Она – знак вечного союза между Вс-вышним и Его народом. “И будут соблюдать сыны Израиля Субботу, соблюдая (букв. “делая”) Субботу из поколения в поколение знаком вечного союза” (“Шмот”, 31:16). Вслушаемся в слова Торы: Субботу надо **делать!** Союз, воплощаемый в жизнь делом, не только связывает наш народ со Вс-вышним, но и соединяет в неразрывную цепь все поколения евреев. Субботу именно **делают**, и это не столько религиозный акт, сколько проявление национального сознания, личной связи с народом Израиля.

Для соблюдающих ее Суббота отнюдь не совокупность запретов и ограничений, как ошибочно думают многие, знакомые с ней лишь понаслышке. Ведь нам запрещена не работа вообще – запрещен лишь созидательный труд, создающий новую физическую реальность. Мы должны остановить бесконечную круговерть будней и осмыслить, одухотворить то, что уже сделано. Законы этого дня не ограничивают нашу свободу, но про-

буждают и направляют духовные силы евреев в особое, субботнее русло. Суббота должна не только и не столько даровать отдохновение телу, сколько дать возможность душе освободиться от оков повседневности. Шесть дней мы вслушиваемся в многоголосицу мира. В седьмой день человек может, наконец, прислушаться к своей душе, услышать голос Вс-вышнего, песню небесных сфер и трав земных.

Невозможно заставить или уговорить человека соблюдать Субботу, как невозможно навязать любовь или насильно изменить систему ценностей. Можно лишь помочь тем, кто готов познакомиться с новым и неизведанным, тем, кто ищет сам. Можно ответить на вопросы, заданные и незадаанные, рассказать, что превращает обычный день календаря в Субботу. Те, кто вырос в семьях, где еврейские традиции были преданы забвению, могут избрать такую форму соблюдения Субботы, которая им по сердцу и вписывается в широкие рамки нашей веры. И этот выбор, в свою очередь, станет семейной традицией, “обычаем отцов” для их потомков.

Давным-давно, на заре истории, пред лицом народов, которых давно уже нет и в помине, Вс-вышний избрал наш народ и даровал ему Субботу. Сегодня, в силу уникальных, хотя и не слишком радостных, исторических обстоятельств, еврейство России рождается заново и заново делает свой выбор. Выбирает, быть ли частью великой исторической и религиозной общности или раствориться в океане народов. Выбор это для многих начинается с превращения субботы в Шабат. Не только в синагоге, но и, в первую очередь, в доме, в семье, как было испокон веков.

Адин Штейнзальц

Адин Штейнзальц

Программа заочного еврейского образования "Лимудим" по эксклюзивной методике Института изучения иудаизма под руководством раввина А. Штейнзальца

Курсы академического уровня, учеба в индивидуальном темпе:

- "Тора - имена и судьбы"
- "Пророки о падении и возрождении Иерусалима"
- "Агада в Вавилонском Талмуде"
- "От Иешошуа до Шломо"

Всем принятым на учебу высылаются учебные пособия, разработанные институтом, а также предоставляется всем желающим широкий выбор учебных материалов на нашем сайте: www.judaicaru.org

Институт изучения иудаизма в СНГ Москва 109240 а/я 44
Телефон: (095) 9153165, факс: (095) 9153161 e-mail: lamed@judaicaru.org

У наших соседей

...«УН АЗ ДЕР РЕБЕ ЗИНГТ!»

Когда-то, во времена моего детства, назвать музыканта "клезмером" было смертельной обидой. Это означало: "Ты дилетант, играть не умеешь!" Тогда само понятие "клезмер" подразумевало музыканта-самоучку, пиликающего на свадьбах и местечковых танцульках. Музыкальные традиции клезмеров зародились в Восточной Европе XIX века в среде хасидов, считавших, что служение Б-гу должно быть радостным. Авторство первой, до сих пор популярной мелодии этого жанра, "Реб Довидл нигн", приписывают ребе Довиду Телмеру (1808 -1882). В те времена играли и пели вовсе не специально обученные музыканты, а любители, мало-мальски способные держать в руках инструмент и имевшие к тому склонность. Правда, позднее появились целые династии музыкантов-клезмеров, постепенно это становилось профессией, переходившей от отца к сыну. Инструменты бывали разные - в основном те, что нетрудно переносить с места на место, чаще всего скрипка и цимбалы. Постепенно скрипку стал вытеснять кларнет - наверное, потому, что звучание его так напоминает человеческий голос: он умеет петь, рыдать и смеяться.

В наши дни этой музыкой занимаются профессионалы, ее исполняют музыканты с мировым именем, с дипломами самых престижных консерваторий и музыкальных академий. Элементы других стилей - джаза, рока и кантри органично влились в музыку клезмеров. Непременным атрибутом клезмер-ансамбля сделался контрабас. Появились виртуозы, знаменитости - такие, как кларнетисты Гиора Фейдман или Дэвид Кракауэр - сделавшие клезмер-стиль популярным среди широкой и многонациональной публики. Сегодня слово "клезмер" звучит почетным титулом.

Такая метаморфоза не случайна, хотя произошла она не в один день, а постепенно, в течение почти тридцати лет, на волне возрастающего в мире интереса к фольклору вообще. Но в отличие от исполнения музыки других народов, будь то ирландские танцы, русские частушки или лапландские "йойку", в попытках возродить искусство клезмеров есть привкус трагизма. Всем известно, что цивилизация ашкеназийских евреев уничтожена: улетела дымом из труб лагерных крематориев, уллыла с переселенцами на американский материк, чтобы рассеяться в тамошнем вавилонском столпотворении, растворилась в бодром советском интернационализме. И что язык европейских евреев умир вместе с нашими бабушками, потому что те, кто остался в живых после Холокоста, предпочли, или, скорее, были вынуждены забыть его. Такие исключительные явления, как Башевис-Зингер, только подтверждают правило, ибо кто из нас может прочесть на идиш его

произведения? Все мы знакомимся с ними (читай: с культурой своего народа) по переводам.

И вот теперь в наших глазах возродилась, как Феникс из пепла, еврейская музыка. Начался этот ренессанс, как и многие явления массовой культуры XX столетия, в Штатах. Первые ансамбли и исполнители, а главное - слушатели клезмерской музыки появились именно там. Но затем оказалось, что еще живы клезмерские традиции и в странах Восточной Европы - на Украине, в Словении, Венгрии, в Литве.

Для импровизационного стиля клезмеров характерно усваивать музыкальные интонации окружающих народов, поэтому одни и те же мелодии звучат по-разному в исполнении артистов из разных стран. Но в самой музыке заключены присутствующие всем евреям черты: смех сквозь слезы и слезы сквозь смех, юмор и горечь, буйный темперамент и глубокая печаль.

В Финляндию мода на клезмерскую музыку пришла с некоторым опозданием. До конца 90-х годов традиции еврейской музыки поддерживались только усилиями самодеятельного хора "Хазамир" при хельсинкской общине. Хор основали в 1917 году, сразу после того, как Финляндия, отделившись от России, стала независимым государством. И в этой маленькой северной стране, где и евреев-то - раз два и обчелся, песни на идиш продолжали звучать в течение всего минувшего столетия; звучат они и сейчас. Позднее в репертуар вошли песни на иврите, и еще хор поет по-фински и по-шведски, поскольку аудитория чаще всего смешанная. Маленькая еврейская община Финляндии жила и действовала даже в годы второй мировой войны. Надо сказать, что страна Суоми - одна из немногих в Европе, где правительство убергло своих еврейских граждан от рук фашистов, и где евреи никогда не подвергались гонениям. Но это уже другая история, а мы вернемся к клезмерам.

Так вот: первый ансамбль еврейской музыки "Дойна-клезмер" появился в Хельсинки лет семь тому назад. Основал его финский скрипач Ханну Васара, какое-то время учившийся в музыкальной академии в Израиле. Примечательно, что среди музыкантов этого ансамбля нет ни одного еврея. Затем родился и второй клезмерский коллектив. В 1996 году на международном форуме еврейского искусства в Копенгагене нынешний руководитель и дирижер хора "Хазамир" пианистка Ева Якоб, познакомившись с творчеством клезмеров, решила создать свой ансамбль. Особенно увлеклись идеей ее дети - сын Даниель, играющий на гобое, и дочь Юлия, виолончелистка. И когда дети "доросли", в 1998 году как-то сам собой возник ансамбль с веселым названием "Фрейлах мит Кнейдлах". Теперь во

"Фрейлах", кроме семейного трио, входят два скрипача и контрабасист, иногда кто-то из участников садится за ударные или берет в руки мандолину или аккордеон: музыканту в таком ансамбле необходимо владеть несколькими инструментами.

Ну что ж, ансамбли появились, а слушатели? Для начала неугомонная Ева нашла союзников: два зарубежных культурных учреждения в Финляндии - институт Венгрии и немецкий институт Гёте - заинтересовались проектом и помогли с организацией первого в стране фестиваля клезмер-музыки. Надо сказать, что финская публика избалована разнообразными впечатлениями. В течение года в Финляндии проходит несметное число музыкальных фестивалей, а уж летом чуть ли не в каждой деревне устраивают свой фестиваль: не музыкальный - так театральный, танцевальный или какой-нибудь еще.

Поэтому первый Клезмер-фестиваль в Хельсинки решено было провести не летом, а в марте 2000 года. "Гвоздем программы" тогда стал концерт одного из ветеранов жанра - аргентинского кларнетиста Гиоры Фейдмана. Успех превзошел все ожидания: все четыре дня зал театра "Савой" был полон, газетная критика курила фишамы. Следующий клезмер-форум состоялся в сентябре 2001 года. Ободренные успехом предыдущего фестиваля, организаторы удвоили количество концертов. Публики и на этот раз было достаточно, но несмотря на это, возникли финансовые трудности - неизбежная проблема, сопутствующая всем подобным начинаниям. Прелесть новизны больше не привлекала спонсоров. В рецензиях некоторых критиков появился душок не того, чтобы антисемитизма, но чего-то такого анти-сионистско-израильско-буржуазного. Время такое: рецензентам тоже надо держать нос по ветру и успевать правильно политически сориентироваться - по-европейски.

Запланированный на 2002 год фестиваль пришлось отменить: денег на него найти так и не удалось, хотя артисты согласны были выступать даже за меньший, чем обычно, гонорар. Зато в этом году энтузиазм Евы Якоб победил - ей удалось получить поддержку из муниципального бюджета и от нескольких финских и зарубежных культурных фондов. Нынешний трехдневный фестиваль невелик по объему - всего три концерта - но обещает быть замечательным по качеству.

Финляндия - ближайшая европейская соседка Карелии, но никакого контакта или сотрудничества между их еврейскими общинами до сих пор нет. Пожалуй, легче всего было бы начать знакомство с совместного концерта - ведь музыка не нуждается в переводе.

Элеонора Иоффе (Хельсинки)

Констанция

Июльская жара в Ленинграде особенная: густая, влажная, липкая. Все до предела раздеты и расстегнуты. В такое время даже в помещении трудно дышать, а в трамвае - сущий ад, особенно в часы пик, когда он до отказа набит распаренными и вспотевшими телами. Я ехал, прижатый к задней стенке, и с удовольствием ловил тонкую струйку сквозняка, душущую из щели в окне. Сквозь людскую массу в моем направлении с трудом пробивалась какая-то симпатичная девушка, судя по всему, иностранка. Все было в ней нездешнее: и правильный овал лица на высокой красивой шее, и непривычная для нас белизна ровных зубов, и густые каштановые волосы, и нечасто встречающиеся зеленые глаза. Поправив сбившуюся блузку и пригладив волосы, она обратилась ко мне по-французски, но мое знание этого языка ограничивалось лишь парой десятков слов и несколькими фразами. Она перешла на английский, но уверенней я себя чувствую в немецком. Ее немецкий был литературным, без заглаживания конечных букв, без диалектных особенностей и хорошо понимался. Незнакомка пыталась выяснить, как добраться до общежития одного из институтов, превращенного летом в гостиницу, где и остановилась ее туристическая группа. Мы познакомились. Ее звали редким именем Констанция. Она - студентка Сорбонны, увлекается историей античного театра. Конечно, была в Греции и Италии. Отец - пастор, она верующая католичка. Мое имя Констанция, конечно, было незнакомо и непонятно, такое ей никогда не встречалось, и она вquisительно посмотрела на меня. "Ich bin ein verfluchter Jude" (я проклятый еврей), - объяснил я. Она растерялась - на такой поворот событий она не рассчитывала, смутилась, между нами на мгновение возник невидимый барьер, но весь остальной путь Констанция как-то ухитрилась мое имя не упоминать. Или мне это казалось. В остальном никакая, даже маленькая, тучка над нами не сгустилась. Констанция была плотно прижата ко мне толпой. На повороте трамвая качнуло, и, чтобы сохранить равновесие, она обхватила меня рукой. Ее голова приблизилась к моему лицу, и я почувствовал тонкий горьковатый запах ее рыжеватых волос, ее тела. Он пробудил во мне какое-то изначально животное чувство, восприятие окружающего мира через запах. Это волновало и манило, хотелось его вдыхать еще и еще.

Давка и духота в вагоне стали невыносимыми, и Констанция предложила идти пешком. К тому же она хотела

поближе познакомиться с городом. На остановке я выпрыгнул и поддал ей руку. Выйдя, Констанция облегченно вздохнула, поправила волосы и улыбнулась, радуясь свободе и свежему воздуху, и мы зашагали, однако мою руку она так и не выпустила. Мы шли, взявшись за руки. В то время это принято не было, и на нас обращали внимание. Констанция была одета просто, но со вкусом. На ней была красная расклешенная юбочка, легенькая без рукавов белая блузка, белые туфельки на каблучках и небольшая сумочка. Все это ей шло, Констанция смотрелась эффектно, и встречи мужчины постреливали глазами в ее сторону. Всю дорогу она была оживлена и что-то шептала, пугая немецкие и французские слова, иногда, взмахивая моей рукой, намеренно задевала прохожих, озорно смеясь. Ей явно было хорошо и беззаботно.

Нашу жизнь она не могла понять, что и немудрено. Констанция восхищалась роскошью ленинградских дворцов и богатством музеев, сравнивала их с французскими, но недоумевала, видя убожество магазинов, неумение красиво и модно одеваться. Совершенно не понимала, почему продавцы в продуктовых магазинах экипированы в белое, но грязные халаты, о которые, не стесняясь, вытирали замусоленные руки. Констанция с большим удивлением следила, как они совком насыпали сахар, крупу или соль в ловко свернутые бумажные кульки, которые взвешивали на чашечных весах с металлическими гирьками. Она даже подержала их в руке, а чашки колыхнула по-детски пальчиком и рассмеялась. Но совершенно была поражена расчетом за покупки, когда продавцы громко щелкали костяшками счетов. Такой вид счета переносил ее в века, когда время определялось солнечными часами, а месяцы - лунными фазами.

Останавливаясь у витрин, Констанция доверчиво прижималась к моему плечу, и я ощущал приятную бархатистость ее кожи. Проходившая мимо женщина глазами указала на беспорядок в туалете Констанции, и та рассмеялась: кружева, выступающие из-под юбки, - это дань современной моде, к тому же они дорогие, голландские.

Болтая обо всем, мы, конечно, не обошли и наши литературные вкусы. Констанция была приятно удивлена тому, что я знаю Ронсара, его прекрасные стихи, особенно "На смерть Мари". Этого замечательного, но ползузабытого поэта во Франции даже интеллигенты не всегда знают. Мой авторитет в глазах Констанции вырос.

Я полюбопытствовал, как она догадалась, что я смогу ей объяснить, где находится ее общежитие. На что она загадочно улыбнулась: "Так было задумано там", - и подняла вверх зеленые глаза.

Разговаривая, мы незаметно добрались до гостиницы. Лицо Констанции светилось удовольствием и счастьем. Она пробудет в Ленинграде еще неделю, и мы ее, конечно, проведем вместе. Завтра на очередную экскурсию она с группой не поедет. Ее гидом буду я. Мы поедем в Петергоф, а вечером пойдем в Мариинку или, что даже лучше, будем бродить по ночному Ленинграду, любоваться белыми ночами, посмотрим, как разводятся мосты над Невой. Констанция сочиняла планы, один лучше другого, не подозревая, что ни одному из них не суждено осуществиться. Буквально через несколько часов я должен был уехать в экспедицию на далекое и холодное Белое море и показать Констанции железнодорожный билет. В первую минуту она это как-то не восприняла, возможно, не совсем поняла, но потом осознала неизбежность разлуки. Счастливого выражение ее лица стало быстро таять, оно помрачнело, даже как-то потускнело, на лбу прорезалась грустная морщинка. Констанция прямо на глазах из веселой девчонки-хототуньи превратилась в женщину, отягощенную житейскими неурядицами. Мы стояли и молчали. Это были наши последние совместные минуты. Констанция снова взяла меня за руку и прижалась к моему плечу. Я приблизил к себе ее голову и погрузил лицо в густые рыжеватые волосы. Подошел мой трамвай. И ушел. Мне не хотелось расставаться с Констанцией. Я хотел и завтра видеть ее зеленые глаза, слушать ее всегда понятную смесь французских и немецких слов, вдыхать горьковатый запах ее волос. К чему лукавить, Констанция мне нравилась. Подошел второй трамвай. И тоже ушел.

Мы стояли и по-прежнему молчали. Каждый по-своему пытался растянуть быстро сокращающееся время, как-то обмануть его. Подошел третий. Дома у меня невпроророт незаконченных предтоездных дел, время поджимало. Констанция умоляюще посмотрела на последнего входившего в вагон пассажира. Я едва успел вскочить на подножку набравшего скорость трамвая. Констанция стояла неподвижно. Трамвай завернул за угол дома...

Залман Кауфман

Из еврейской поэзии

Хаим Нахман Бялик

(1873-1934)

Мы уже знакомы с стихами, точнее с переводами стихотворений великого еврейского поэта начала двадцатого века Хаима Нахмана Бялика. Его переводил на русский язык Жаботинский. Его переводили крупнейшие русские поэты прошлого века. Валерий Брюсов, Юргис Балтрушайтис, Владислав Ходасевич. И теперь представим два его стихотворения в переводе Федора Сологуба и Вячеслава Иванова.

О милости, небо, проси для евреев,
Когда тебе ведомы к Богу живому пути.
Я к Богу путей не умею найти.
О небо, молись за евреев!
Молитвы в устах моих умерли, в сердце нет воли,
Убиты надежды, бессильно упала рука...
Доколе, доколе, доколе!

Пронзи же мне горло, палач, - ты не знаешь пощады.
Убей, как собаку! В руке твоей нож,
И нас ты повсюду найдешь, -
Мы - малое, слабое стадо,
По черегу бей, - невозбранно кровавые реки,
И детская кровь на одежде твоей,
Она не сотрется вовеки, вовеки!

О, если есть правда, пусть явится ныне,
А если она воссияет потом,
Когда мы умрем,
Пусть трон ее рухнет в пустыне:
Пусть небо безмерно злобой истлеет,
А ваша, насильники, злость
Пусть вечно живет и тучнеет.

Не надо нам мщенья, не надо!
Отмщенья за муки невинных детей
Не знает и сам повелитель теней.
Пусть кровь просочится до ада!
Пусть падает тяжко на адские своды
И медленно точит во тьме
Основы растленной природы.

Перевел Федор Сологуб

Стихотворение "Истинно, и это - кара Божья" было опубликовано в переводе Вячеслава Иванова в 1917 году в Москве в издательстве Сафрут. А книга называлась "Еврейская антология".

И горшучу кару пошлет Элоим:
Вы лягь изощритесь - пред сердцем удивим,

Ронять свои слезы в чужие озера,
Низать их на нити любого убора.

В кумир иноверца и мрамор чужой
Вдохнете свой пламень с душою живой.

Что плоть вашу ели, - еше ль не довольно!
Вы, пух отдадите во снедь добровольно!

И, строя гордыни египетской град,
В кирпич превратите возлюбленных чад.

Когда ж из темницы возрощут их души,
Крядясь под стенами, заткнете вы уши.

И если бы в роде был зачат орел,
Он, крылья расправив, гнезд б не обрел:

От дома далече б он взмыл к поднебесью,
Не стал бы ширяться над нашею весью.

Прорезал бы тучи лучистой тропой,
Но луч не скользнул бы над весью слепой,

И отклик нагорный на клеют орлиный
Расслышан бы не был могильной долиной.

Так, лучше их отринув потомков своих,
Вы будете сыры в селенях глухих.

Краса не смеется в округе бездетной,
Повиснет лохмотьем шатер многоцветный,

И светочи будут мерцать вам темно,
И милость Господня не стукнет в окно,

Когда ж в запустенье потщитесь молиться,
Слезам утешенья из глаз не пролиться:

Иссохшее сердце - как выжатый гроздь,
Сметенный в давяльне на грязный помост, -

Из сморщенных ягод живительной дани
Не высосать жажде палимой гортани.

Очаг развалился, мучит во мгле
Голодная кошка в остылой золе:

Засталось ли небо завесой пепла?
Потухло ли солнце? Душа ли ослепла?

Лишь крупные мухи ползут по стеклу,
Да тклет паутину Забвенья в углу.

В трубе с Нишетою Тоска завывает,
И ветер лачугу трясет и срывает.

Иосиф Гин

Еврейская религиозная община с прискорбием извещает о кончине
 Нины Владимировны КАПЛУН
 זיכרונו לברכה

Религиозный аспект радостей жизни

1. Является ли религиозно-ценной "земная радость".

К Суккот больше, чем к любому другому празднику Торы, подходит название "хаг" - буквально "праздник, веселье, радость". И веселье это связано, прежде всего, с сельскохозяйственным аспектом Суккот - завершением годового цикла работ и сбором урожая. Собрав плоды своей земли, земледелец радуется, и это веселье является заповедью праздника: "В праздник Суккот, при сборе урожая, веселись и ты, и сын твой, и дочь твоя, и раб, и Левит, и пришелец..." (Второзаконие 16:14). В древности, как рассказывается в Талмуде, в Иерусалимском Храме в дни Суккот устраивали бурное веселье, да и сегодня Суккот наиболее веселый из праздников Торы.

Но является ли, с религиозной точки зрения Торы чисто материальный аспект празднования - радость сбора урожая - духовно значимым явлением? Или, может быть, это уступка человеческой слабости - ведь нельзя же, в самом деле, не позволить земледельцу собравшему урожай, выпить и отпраздновать; вот, может быть, Тора и придала этой человеческой слабости дополнительные национально-религиозные аспекты, чтобы ввести в духовные рамки бытовое веселье?

2. В "галутном иудаизме" это обычно не так.

Если изучать смысл праздника Суккот по классической еврейской учебной литературе от начала эпохи средневековья и вплоть до 19 века, то у читателя вполне может сложиться впечатление, что речь идет именно об уступке. Однако при более глубоком размышлении, отмеченный выше крен в сторону "духовных аспектов праздника" в ущерб его простой материальной сущности представляется, пожалуй, несколько искусственным. Более того, можно предположить, что эта попытка делалась потому, что все авторы классической учебной литературы сами никогда не были земледельцами в своей стране и посему не могли проникнуться духом земледельческого характера Суккот в Эрец Исраэль.

Наша галутная жизнь действительно состояла словно из одного духа: материальное зачастую воспринималось если и не как начало враждебное, то, по меньшей мере, как пустое и бессознательное. Однако Тора предполагает реализацию не в галуте, а во вполне материальной жизни в Эрец-Исраэль. И

потому вместе с возвращением физическим нам необходимо избавиться от "невосприимчивости к духовным аспектам материального".

Попробуем по возможности исправить этот крен, а для этого нам понадобится осознать радость получения удовольствий от жизни как позитивную религиозную ценность.

3. Уметь ощущать наслаждение от "получения" чтобы радоваться "даванию".

В иудаизме (и особенно в каббале) неоднократно подчеркивается, что Божественное качество - это "давать", а не "получать", и потому в качестве важнейшего императива выдвигается именно первая помощь ближнему, забота о бедных, благотворительность, вообще - стремление "дать" окружающим "Возлюби ближнего своего как самого себя" (Левит 19:18) - вот главный принцип Торы - возвещает нам в Талмуде р. Акива.

Однако как только мы задумаемся о практическом применении этой заповеди и посмотрим вокруг себя, в стремлении осмыслить, как именно она реализуется в действительности, мы увидим любопытный феномен. Дело в том, что человек не может по-настоящему "давать" другим, если сам он не способен ощутить удовольствие от "получения". Для того, чтобы человек действительно мог дать ближнему возможность получить наслаждение от жизни, мы должны сами, на собственном опыте, это наслаждение испытать. Но тот, кто избегает жизненных наслаждений, не понимает их ценности и смысла и сам не сможет быть полезен в этом отношении. Ведь то, что мы не ценим для себя, мы не ценим и для других, таким образом, получение в жизни широкого спектра разрешенных наслаждений является весьма важной религиозной ценностью.

4. "От всех деревьев Сада ешь" - позитивно-религиозный подход к наслаждениям жизни.

Когда Бог поместил Адама в райский Сад, Он сказал ему: "От всех деревьев Сада тебе следует есть" (Быт. 2:16). Понятно, что от запрещенного (Дерева Познания) есть нельзя, - но от всего дозволенного тебе следует попробовать. Мидраш прибавляет, что когда после смерти человек предстает на суд Божий, то помимо прочего спрашивает его Всевышний: "Я создал столько замечательных вещей в мире - пробовал ли ты их?" И если скажет человек: "Я ограни-

чивал себя и брал от жизни самую малость", - то воскликнет ему в ответ Всевышний: "Как же так?! Я столь многим одарил тебя, а ты Моиими дарами пренебрег?!"

Разумеется, иудаизм не считает жизненные удовольствия самоцелью. Они всего лишь средство - средство для обретения полноты жизненных сил, чтобы, опираясь на них, исправлять себя и окружающий мир, постигать Божественное Учение и творить добро ближнему. Очевидно, что если это средство вдруг становится самоцелью, если человек озбочен только тем, чтобы срывать цветы удовольствия, то это приводит к разврату, развалу и разрушению жизни. Но, с другой стороны, если этого средства нет вообще, то картина окажется никак не краше, ибо чревата будет импотенцией (в широком смысле слова), неспособностью человека осуществить мало-мальски значительное деяние.

5. Не "альтруизм", а "облагороженный эгоизм".

Подход иудаизма к построению правильных взаимоотношений человека с его ближним основан совсем не на альтруизме (т.е. отказе от получения для себя), а скорее на "облагороженном эгоизме": я так полно ощущаю радость бытия, что хочу поделиться этим с моими ближними - прежде всего с самыми близкими, а потом, постепенно, и с более дальними.

Суть правильной жизни не в ограничении удовольствий, а в осмысленной цели, во имя которой следует их получать. Если получать их для того, чтобы иметь возможность поделиться с ближним, то у человека появляется дополнительная возможность получать удовольствие еще и от "давания". И во-первых это удовольствие, будет выше, богаче, и интенсивнее прежнего. И, во-вторых при подобной установке даже просто "получать" можно гораздо больше, чем при получении только для себя.

Иными словами, правильное получение от жизни удовольствия, в том числе сугубо материального свойства, отнюдь не порицается религией (как это представляется некоторым), но, напротив, поощряется ею и является необходимой ее частью. А поэтому - веселою вам праздника и побольше радостей от жизни!

Пинхас Полонский (МАХАНАИМ)

Сердечно поздравляем нашего земляка АЛЬШИЦА Льва Израилевича
 с девяностолетием.

Здоровья, бодрости духа, и до ста двадцати!

Наша кухня

Утка, фаршированная лапшей

Утка (около 3 кг.), 3 чл. соли, 3/4 чл. черного перца 1/2 чл. тертого чеснока, 3/4 ст. лука, нарезанного кольцами, 0,5 кг. свежих грибов (или 150 г. сухих), 4 стл. куриного смальца, 2 стл. рубленой зелени петрушки, 3 ст. вареной лапши, 2 яйца, 1 чл. красного перца

Нагрите утку изнутри и снаружи двумя чайными ложками соли, 1/2 чл. черного перца, красным перцем чесноком. Потроха пропустите через мясорубку, обжарьте в курином жире лук и мелко порубленные грибы, добавьте измельченные потроха и жарьте еще 5 минут. Снимите с огня, добавьте петрушку, лапшу, сбитые яйца и оставшиеся соль и перец, осторожно перемешайте и этой смесью нафаршируйте утку. Отверстие зашейте, положите утку в гусятницу и жарьте в духовке на среднем огне 2,5 часа (до полной готовности). За время жарки переверните утку два раза. Если Вы используете сухие грибы, предварительно отварите их в малом количестве воды (варите около часа).

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

ЕСЛИ ГРЕХ СЛИШКОМ УЖ СЛАДОК,
 РАСКАЯНИЕ НЕ МОЖЕТ
 БЫТЬ ГОРЬКИМ.

Пословица

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ
 СОКОЛИНСКУЮ Ренату Петровну
 ШАХНОВИЧ Инессу Яковлевну
 ЯНУШКО Раису Николаевну
 МЕКШИЕВА Ивана Михайловича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
 еврейская религиозная община
 185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
 тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
 Давид Генделев
 Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены
 фирмой "Принт", 185035 Петрозаводск, ул. Гоголя, 28, каб. 12,
 тел. 78-20-18, факс 78-12-26 Тираж 300 экз.